

несохранившихся источников кончаются там, где есть реальные сохранившиеся источники.

«Epilogus» и «Privilegium» мы должны вычеркнуть из числа возможных источников Кристиана. Но тем настоятельнее встает вопрос, какими источниками располагал этот автор для первых двух глав своего труда, в которых и появляется Борживой. Наиболее тщательно занимался этим вопросом Вейнгарт.⁴ Опровергая сомнения Пекаржа, он в первую очередь доказал, что Кристиан пользовался непосредственно 1-м старославянским житием Вацлава. Следовательно, язык не составлял для Кристиана препятствия при использовании старославянской письменности и нет оснований сомневаться в том, что свои сведения о Константине и Мефодии он брал также из славянских источников, не нуждаясь при этом ни в каком латинском посреднике. Вейнгарт полагает, что данные для своих первых глав Кристиан взял из так называемых Паннонских житий и Жития св. Наума. Кристиану была знакома наряду с первоначальной славянской традицией IX в. также враждебная ей традиция, сложившаяся в Зальцбургском архиепископстве; в частности, общепризнано, что ему были известны Пильгримовы подделки.

Труд Кристиана действительно двусоставен, но второе его ядро наряду с Вацлавской легендой — это легенда не Людмилинская, как это часто утверждалось, а Кирилло-Мефодиевская. Иначе говоря, открывшее новую эпоху дело Кристиана — это не развитие истории княгини Людмилы, но расширение истории чешского христианства путем установления его связи с христианством великоморавским. Появление новой святой, первое известие о которой читалось уже у Гумпольда, не означало собой особенно большого углубления исторического самосознания раннесредневековой Чехии; появление же солунских братьев как первых патронов династии Пржемысла и вообще Чехии Пржемысловцев существенно расширяло чешский исторический горизонт. Политические следствия этой концепции Кристиана были даже необозримо широки: держава Пржемысловцев провозглашалась тут преемницей могущественной державы Святополка. Более полно эту концепцию выразил автор хроники в стихах начала XIV в. — так называемый Далимил.

По сравнению с тем, как о чешской истории писал автор «Crescente» и прочие авторы Вацлавских легенд «докристианской» эпохи, труд Кристиана является революционным поворотом. Уже при анализе людмилиных глав приобретает значительность проблема источников Кристиана; она становится крайне важной при исследовании первых двух глав, знаменующих собой обращение через голову Спитигнева к IX в. и переход из Чехии в Великую Моравию. Опять-таки здесь речь идет не только о Кристиане, но также о линии, в первую очередь представленной «Crescente». Все, что пишет Кристиан в первых главах, может быть верно, но нужно объяснить, почему обо всем этом молчат все более ранние Вацлавские легенды. «Crescente» безусловно носила официальный характер, за ней стоял авторитет только что основанной Пражской епископской кафедры, Гумпольд же писал прямо по заказу императора Оттона II. Вероятно, молчание «Crescente» — это сознательное замалчивание кирилло-мефодиевской традиции, но, может быть, также, что в Праге после 973 г. о ней знали мало, почти ничего. Главное же, возможно, что события IX в. в соседней Моравии не связывались с актуальным положением Пражского княжества и епископства (основанного в 973 г.). Новая епископская ка-

⁴ M. Weingart. První česko-církevněslovanská legenda o sv. Václavu. — Svato-václavský sborník, I. Praha, 1934, стр. 863—1088.